

Анатолий Шавкута

Не умом, а сердцем...

О несметных богатствах и самодурстве Прокофия Акинфьевича Демидова были наслышаны все. И о щедрости тоже. Поэтому шли к нему люди или вконец отчаявшиеся, или явные мошенники. Первым он, угадавши их бедственное положение, всегда помогал. Со вторыми проделывал шутки немислимые. Но прежде всего - о нём самом. Прокофий Акинфьевич — потомок легендарных Демидовых, предпринимателей, что называется, с большой буквы: они не перекупали и не перепродавали, а сами делали дело, ПРЕДПРИНИМАЛИ его. И дело отражало их нравственность. Это было НРАВСТВЕННОЕ ДЕЛО. Даже начало его выглядело легендарно. Царь Пётр, проезжая через Тулу, призвал к себе оружейных кузнецов и попросил починить пистолет работы прославленного Кухенрейтера. Взялся Никита Демидов. Он не только починил пистолет, но и сладил по его образцу новый, ничуть не уступающий оригиналу. На обратном пути Пётр, получив оба пистолета, пришёл в восторг. Он обнял и расцеловал Никиту и дал ему денег на большое дело. И дело пошло! Никита оказался прирождённым предпринимателем. Он и его сын не только поднимали уральское горнозаводское производство, но и успешно решали вопросы, так сказать, попутные: восстановили судоходный путь по реке Чусовой, открытый ещё Ермаком; устроили в тех труднопроходимых местах хорошие дороги и немало способствовали заселению глухих краёв до самой Колывани. Тем самым они остались и в памяти народной и огромные капиталы нажили.

Прокофий Акинфьевич богатства свои растрачивал с баснословным размахом и выкидывал такие коленца, такие художества вытворял, что люди только диву давались. Был он как-то дико, необузданно устроен, меры в своих чудачествах не знал, но, тем не менее, в действиях его прослеживается некая система, шедшая скорее не от ума, а от безрассудства сердца. Система не безнравственная, хотя весьма и весьма причудливая...

Получив громадное состояние, Прокофий Акинфьевич отправился в Голландию, Германию и Англию учиться торговать. Там его обобрали нещадно, посчитав за человека хоть и богатого, но глупого; пили и ели на его лукулловых пирах без стеснения и без меры, под пьяный шумок втридорога сбывая ему залежалые товары, и, не стесняясь, смеялись над ним. Вернулся Демидов домой всё-таки не без прибыли; поумнел. И принялся по своему понятию за ответные действия: скупил всю пеньку, завезённую для англичан, и дважды заставил их уехать с пустыми руками. Пеньку потом сбыв всего за полцены, но был доволен, что наказал самоуверенных иностранцев. С тех пор никуда за границу не ездил, а построил себе роскошный дом в Москве на Басманной и стал в нём от скуки чудачить. «Новый русский»,— сказали бы в наше время и угадали бы, что от богатства и от пустоты в душе чего только не придумаешь! Дом был самой затейливой архитектуры и снаружи весь обшит железом. И ставни тоже железные — от пожаров. Изнутри дом был отделан и золотом, и серебром, и драгоценными камнями. На стенах висели редкие картины в дорогих рамах. На полах расстелены тигровые и медвежьи шкуры, под потолками развешаны золотые клетки с экзотическими птицами, по комнатам гуляли ручные обезьяны, в мраморных бассейнах плавали заморские рыбы... Фантазия у хозяина была феерическая...

Но ещё большую изобретательность проявлял Демидов в поступках, крутой «ндрав» его никакой меры не знал и ни перед какими препятствиями не пасовал. Про таких говорят: «Что хочу, то и ворочу». И воротил... Задумав в один знойный день во что бы то ни стало покататься на санях и тем самым вспомнить матушку-зиму, он велел закупить в Москве всю соль и засыпать ею трёхвёрстную аллею от почтового тракта до его имени, а у берёз для пущего эффекта выщипать все листья. И прокатился... осчастливив простонародье недюжинными запасами бросовой соли, которая по тем временам была очень дорога и ценима.

С просителями Демидов обходился по своим законам, ничьих советов не слушал, одобрения не искал, никакой власти не подчинялся. Зато с бедными, попавшими в беду просителями обходился милостиво и, бывало, награждал сверх ожидания. Однако, почувствовав чрезмерную преувеличенность страдания, а тем более фальшь, не брезговал поставить страждущего в

неловкое, мягко говоря, положение. Однажды один из приказчиков униженно просил у него помощи и, что называется, пережал в слёзности:

— Помогите, спаситель вы наш, так худо мне, хоть в петлю лезь...

Демидов тут же отреагировал:

— Я помогу тебе с радостью, только ты уж, сделай милость, сначала повесься при мне, а потом я твоих детей облагодетельствую. Сколько хочешь дам — хоть сто тысяч! Уж больно мне твоя выдумка по сердцу пришлась.

Денег всё-таки дал, но поиздевался от души.

С откровенными проходимцами Демидов обходился круто. Каких только наказаний не придумывал! Потешался и глумился без жалости. Как-то объявил, что неслыханно наградит того, кто целый год пролежит на спине. Отводил охотнику комнату, приставлял к нему людей для наблюдения. Они глаз с него не сводили, кормили, поили, ухаживали, как за барином... Потом секли нещадно, выгоняли вон. Или заставлял навтыяжку стоять целый час, не моргая, а сам услаждался: и вертелся перед страдальцем, и махал перед его носом руками и даже тыкал пальцем в глаза.

Но, бывало, отметив в проходимце удаль и отвагу, тут же щедро вознаграждал. Однажды ловкий плут и обанкротившийся купец, некто Медер, обратился к Демидову за помощью. Демидов долго ходил вокруг незнакомца кругами, рассматривал его, молчал, вздыхал, потом спросил, кто он такой. Получив ответ, продолжил игру.

— Умеешь ли ты ездить верхом?

— Умею.

— А на тебе ездить можно?

— Если хочется.

— Тогда становись на четвереньки.

Накатавшись вдоволь и измучивши гостя, Демидов сказал:

Ты, я вижу, славный малый. Может, хочешь есть или пить?

— Лучше пить.

Принесли вино в дорогой чаше из севрского фарфора. Демидов налил два хрустальных бокала и протянул один Медеру. Тому что - то не понравилось:

— Я так не умею

— А как же? Ну, пей по- своему.

Тот взял чашу, залпом опрокинул её и, кинув под потолок, закричал: «Ура! Да здравствует Демидов!»

Демидов пришёл в восторг, обнял Медера, поцеловал и проникновенно сказал:

— Чёрт возьми! Ты мне определённо нравишься. Говори, что тебе нужно.

Медер, пользуясь моментом, объявил, что дела у него из рук вон плохи, но десять тысяч спасут его.

— Только-то! — невозмутимо отреагировал Демидов и тут же отвалил Медеру десять тысяч.

Нередко приходили за помощью и люди светские. Знать он за её спесь недолюбливал. Как-то посетила его графиня Румянцева просить денег в долг. Он грубо ей отказал, но она не отреагировала на унижение и повторила просьбу. Оскорбительным тоном он потребовал расписку на условии, что если она не вернёт деньги через месяц, то он во всеуслышание объявит её распутницей. Расписку она дала, но деньги из деревни ей задержали. На балу в дворянском собрании, где присутствовала Екатерина II, Демидов под хохот собравшейся вокруг него молодёжи во всеуслышание огласил расписку. Императрица прогневалась и на следующий день прислала Демидову свои личные деньги, отобрав расписку.

Д. Левицкий. Портрет Прокофия Демидова

В другой раз, когда императрица, уступив настояниям графа Панина, пожаловала титулом сенатора московского вице-губернатора Собакина — врага Демидова, последний прибил к воротам своего дома красочные изображения точных копий Панина и Собакина с припиской: «Собакин — архипарикмахер, только что возвратившийся из Парижа, предлагает свои услуги почтеннейшей публике. Адресоваться к г-ну ПанОнину». Слог «он» был так старательно заляпан грязью, что его непросто было разобрать. А для пущей наглядности Панин был изображен в шикарнейшем парике. Но и на этом хулиганствующий Демидов не успокоился. Он распространил при дворе несколько оскорбительных стихотворных памфлетов на Панина и Собакина. Разгневанная императрица повелела собрать все пасквили и «через палача» сжечь их принародно на одной из площадей города. Демидов вышел из положения блестяще, Он скупил все квартиры, выходящие окнами на площадь, устроил в день «аутодафе» в этих квартирах шумный пир для своих многочисленных знакомых. Сам же явился к палачу с хором песельников и двумя оркестрами, переключив внимание жаждущих острых впечатлений. Императрицу же умилостивил щедрыми пожертвованиями в пользу казны.

Всегда и везде посягавшим на его своеволие, нарушавшим его представления о справедливости Демидов учинял расправу, никогда при этом не выходя из себя и не теряя хитроумного соображения. Как-то раз, сильно рассердившись на офицера из полиции своего квартала, мздоимца и заносчивого человека, он пригласил его в гости, радушно встретил, накрыл великолепный стол и... напоил до чёртиков. Пьяного гостя раздели донага, обрили голову, вымазали тело мёдом, обваляли в пуху и оставили спать до утра. А утром, вдоволь налюбовавшись его отчаянием, Демидов сказал, откровенно издеваясь: «Как ты смеешь являться ко мне в таком непотребном виде. Сейчас же поеду к губернатору и буду просить, чтобы тебя за твои мерзости строго наказали». Растерявшийся полицейский упал к ногам Демидова и слёзно просил помиловать. Демидов потребовал, чтобы тот подтвердил это письменно. А потом, вволю позабавившись, велел вымыть его, одеть, а при прощании подарил парик и мешок с червонцами.

Диковинным был выезд Демидова. Колымага окрашена в ярко-оранжевый цвет, лошади — маленькая в корню и две огромные в середине. Форейтор столь огромного роста, что ноги его волочились по земле. Ливреи лакеев состояли из двух половин: одна — из золотого галуна, другая — из грубой сермяги. Одна нога обута в лакированный башмак, другая — в онучи и лапоть.

Сыновей своих, воспитанных за границей и не знавших родного языка, Демидов-старший не любил и отрядил им спервоначалу только жалкую деревушку в тридцать душ крепостных. Вмешалась императрица и спасла молодых людей от бедности и позора. Демидов расщедрился на тысячу душ каждому. Дочерей своих, по извечному своему презрению к дворянскому сословию, выдал за фабрикантов и заводчиков, наградив большими деньгами. А когда одна из них заартачилась и пожелала выйти замуж за дворянина, обвенчал насильно с первым встречным — дворянином.

Таков был Прокофий Акинфьевич Демидов - русский Крёз, богач, помогавший беднякам, наказывавший проходимцев и не упускавший случая поиздеваться над спесивыми аристократами. А что делал это грубо и жестоко, отдавая дань своей необузданной натуре, то на то была причина: на дворе был XVIII век, век вседозволенности и всевластия денег. Примеров тому пропасть и в новейшей истории, и ходить за ними далеко нам не приходится...